

Г. Е. Марков

ТЕОРИЯ ИЛИ МИФ?

Радостно, как глоток свежего воздуха после ряда лет благодной тишины, я воспринял предложенное редакцией журнала обсуждение такой важнейшей для науки о народах проблемы, как исследования в области теории.

В начале попутное замечание о терминах. *Этнография* или *этнология*? Как уже приходилось ранее писать, *термины* – это даваемое нами чисто субъективное название того или иного понятия или явления. Поэтому “истинность” терминов вообще невозможна по определению. В данном случае важно, чтобы нас понимали не только соотечественники, но и зарубежные коллеги. Но, называя себя этнографами, а нашу науку этнографией, мы вызываем у последних явное недоумение. Как, исходя из их точки зрения о том, что такое этнография, можно рассуждать о теории? Поэтому думается все же, что в науке о народах различные ее теоретические аспекты – это область этнологии. Этнография – это дело собирания материала и его упорядочения.

Ниже я не ставлю себе задачу обсуждать историографические аспекты в первой части интересной и нужной статьи Э.Г. Александренкова. Не имею в кратком отклике на нее также возможности рассматривать в целом и часть, посвященную проблемам теории в культурной антропологии. Остановлюсь лишь на существовании и месте теории в науке о народах и на ее отражении в немецкой этнологии (*Ethnologie*, *Völkerkunde*) и народоведении (*Volkskunde*).

В первой части своей работы автор перечисляет взгляды некоторых отечественных авторов относительно определения понятия *теория*. В связи с этим он пишет: «Таким образом термин “теория” в работах отечественных этнографов использовался преимущественно в двух значениях: как некое обобщенное знание в какой-то области этнографии или, реже, о самой этнографии, и как один из способов этнографического осмысления (познания) действительности наравне с такими, как гипотеза, концепция и др.». Могу отметить, что многие из приведенных в статье взглядов недостаточно конкретны и для проблем науки о народах излишне отвлеченны, “философичны”. Некоторые, наоборот, слишком ограничивают проблему. Наиболее верным мне представляется подход В.А. Шнирельмана, высказывавшего, по словам Э.Г. Александренкова, мнение, что “...теория должна представлять собой выявление и изучение закономерностей или причинно-следственных связей, объяснение процессов”. Здесь затронута сама суть проблемы, хотя, возможно, это определение можно и несколько расширить.

В конце второй части своей работы автор дискуссионной статьи приводит свое понимание существа теории в этнологии. Он пишет: “*Этнографической теорией* можно, видимо, считать непротиворечивое в себе объяснение определенной совокупности фактов той или иной сферы человеческой деятельности, попавшей в поле интересов этнографии. То есть это такая теория, которая средствами этнографии как науки объясняет реальность (как правило, ее часть). Она должна включать в себя рефлексию не только относительно факта, но и относительно самой теории. В зависимости от объема фактов и их разнообразия и сложности объяснения могут быть более или менее общими или частными” (с. 9). Это определение, несомненно, заслуживает внимания, однако едва ли значение теории ограничивается *объяснением*.

Попробую дать свое понимание обсуждаемой проблемы. По моему мнению, теорию в науке о народах можно рассматривать как функциональную модель причинно-следственных связей, закономерностей развития и изменения этногенетических, культурных, хозяйственных и социальных явлений, их движения во времени и пространстве. При этом теория не только призвана объяснять ход процессов, но должна

также показывать возможные пути управления ими. Из этого вытекает, что задачи теории в науке о народах состоят не в создании философских абстракций, а в практических целях осознания сути процессов или явлений в жизнедеятельности общества. При этом только практика, а не внутреннее убеждение (*Credo*) подтверждает теоретические выводы. непригодна теория, основанная не на возможной совокупности фактов, а на философских или политических постулатах.

Не существует *общей* теории этнологии (народоведения, этнографии) как области науки. В самом широком смысле теория – это методология, научный ориентир, при исследовании *конкретных* проблем науки о народах (например, истории семьи и семейно-брачных и социальных отношений и др.). Пример безрезультатности поисков общей теории применительно к науке в целом – судьба эволюционизма. При справедливости ее выводов в тех или иных частностях эволюционная теория противоречила фактическим данным, что привело к ошибочным заключениям и построениям мифических моделей. Еще хуже, когда теория подчиняется предвзятым философским и политическим установкам. Трагическим примером этого является гипотеза о феодальных (патриархально-феодальных) отношениях у кочевников. Она противоречит всем существующим фактическим данным в науке и принесла много бед в жизни кочевых народов Средней Азии и Казахстана.

Еще хочу отметить, что этнология, на мой взгляд, *историческая наука*, что отграничивает ее от социологии. Поэтому так называемая историческая социология – не что иное, как часть этнологии.

Не могу, наконец, не возразить по поводу упреков в адрес авторов учебников по этнологии/этнографии кафедры этнологии (в прошлом – кафедры этнографии) МГУ им. М.В. Ломоносова в том, что «настолько привычно теория не считалась одной из задач нашей науки, что даже в учебниках, носящих название “Этнология”, теория не перечислена среди предметных областей этой дисциплины (не парадокс ли?)...». В связи с этим обращаюсь к уважаемым коллегам из Института этнологии и антропологии, уже не первое десятилетие утверждающим это, но, к сожалению, недостаточно принимающим во внимание задачи образования в высшей школе и порядок и возможности их решения. Злосчастные, столь осуждаемые учебники *предназначены* не для студентов-этнологов старших курсов, а тем более не для аспирантов, кандидатов и докторов наук. Они написаны для учащихся на первом курсе всех *историков*. И историков этот учебник удовлетворяет. Им не до теории, а лишь бы познакомиться с народами Земли. Кстати, уже обсуждаемая статья Э.Г. Александренкова неопровержимо свидетельствует о том, что нам самим не ясно, что такое теория в этнологии. Это подтверждается и некоторыми попытками теоретизирования в новейших изданиях учебника – попытками, на мой взгляд, не совсем удачными. Вместе с тем проблема с научной теорией в учебном плане может быть решена. Учебник по этнологии, включающий теоретические проблемы, может быть написан сотрудниками Академии наук и будет полезным студентам-этнологам старших курсов, аспирантам и прочим научным работникам.

Если говорить об истории отечественной науки о народах, то она свидетельствует о том, что ученые, как справедливо отмечается в статье Э.Г. Александренкова, уже с конца XIX в. (но лучше сказать, начала XX в.) в одних случаях более, в других менее успешно занимались изысканиями в области теории. Правда, почти исключительно – первобытного общества. То же самое происходило и между двумя мировыми войнами, хотя вследствие крайней политической ангажированности некоторые теоретические выводы того времени имеют сегодня лишь историографическое значение. Что же касается послевоенного времени, то нужно провести целое капитальное исследование о поставленных тогда и по мере сил и возможности решенных теоретических проблемах. Всех их здесь и не назовешь. Среди них – попытки теоретической постановки изучения современности. И этногенетические концепции. Многие теоретические проблемы истории хозяйства и социальных отношений. Проблемы так называемой теории этноса. Теоретические проблемы языковых и межэтнических

отношений. Теоретическая постановка методических вопросов полевых исследований. Всего и не перечислишь. Но несомненно, что о теории конкретных явлений много писали и говорили, достаточно перелистать журнал “Этнографическое обозрение” за прошлые годы, особенно раздел “Дискуссии и обсуждения”. А что касается самой теории как явления, общей теории этнологии в философском плане, то хорошо, что об этом писали мало. Взгляд здесь возможен только субъективный, и для практики теоретических исследований, кроме игры ума, пользы не даст. Говорить стоит только о теоретических исследованиях в решении конкретных этнологических явлений. Попутно два небольших замечания. В первой части статьи автор рассматривает взгляды Ю.И. Семенова по обсуждаемому вопросу и, в частности, пишет о его статье “Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества”. Стоило бы добавить, что эта публикация вышла в свет в связи с разработанной мной теоретической проблемой (изложенной в том же журнале) об общественном строе кочевых nomadов и присущем им общинно-кочевом способе производства.

Попробую теперь в кратком виде изложить обзор исследований в области теоретических проблем в немецкоязычной науке о народах (Германия, Австрия, часть Швейцарии). Первые свидетельства о зарождении науки о народах в этих странах относятся к концу XVIII в. Исходными были накопление эмпирического материала о заморских народах и о немецком народе, а также существовавшая в то время “государственная наука”. Уже тогда в науке о народах четко выделились обособившиеся направления: *этнология* (Ethnologie, Völkerkunde) – наука о заморских народах, ставившая в сравнительном плане *теоретические* вопросы их истории культуры и быта; *народоведение* (Volkskunde) – эмпирическое и теоретическое изучение немецкого, а в наше время и всех европейских народов (Europäische Volkskunde/Europäische Ethnologie); и *этнография* (Ethnographie), на долю которой отводились сбор и публикация фактического материала. В таком виде эти направления сохраняются в немецкоязычной науке по сей день. И в каждом из этих направлений существовали исследования в областях теории, методологии и метода.

В этнологии почти весь XIX в., за исключением, пожалуй, последнего его десятилетия, господствовала “теория развития” (эволюционизм), теоретически исходившая из положений классической немецкой философии об историческом развитии. Особенность теории развития заключалась в том, что на ее позициях стояли практически все немецкие этнологи. “Отцом” немецкой теории развития, как и вообще немецкой этнологии, считается Адольф Бастиан (1826–1905). В области теории он ставил перед собой грандиозную задачу создания общей методологии и метода этнологических исследований, основанных на индуктивном восприятии психологии и философии всего человечества. Все ответы на историю культуры Бастиан искал в умственной предрасположенности человека в сочетании с влиянием окружающей среды. В его теоретических взглядах сочетались психологизм и биологизм, что позднее было в разной мере воспринято различными теоретическими учениями, однако без ссылки на Бастиана. Значительное внимание исследователь уделял истории религиозных верований, нравов и обычаев вневропейских народов. Важным требованием была специализация этнологов по регионам. Бастиан разработал учение об “элементарных” и “народных” идеях, частично воспринятых позднейшими исследователями. Бастиан был первым ученым в истории немецкой (а, возможно, и мировой) этнологии, поставившим вопросы о значении для нее этнического фактора, о связи этнологии с историей и, наконец, о “географических провинциях”, вошедших под разными именами во многие позднейшие учения¹.

Крупными представителями эволюционистской теории во второй половине XIX в. были также И. Бахофен, Г. Шурц, Ю. Липперт, Г. Бушан и многие другие².

К концу XIX в. теория развития (эволюционная теория) стала подвергаться ожесточенной критике вследствие ряда ее методологических и методических установок. Прежде всего, вследствие положения об однолинейности развития, обязательности

эволюционной преемственности и ряда других. Отмечалось также, что многие умозрительные концепции сторонников теории развития противоречили новейшему этнографическому материалу. Крушение эволюционизма означало конец относительного теоретического единomyслия в немецкой этнологии, на смену которому пришли различные теоретические направления, не совсем верно, вследствие принципиальных различий между ними, объединяемые понятием “диффузионизм”.

Особенно это касается Ф. Ратцеля (1844–1904) – известного исследователя, создателя *антропогеографии* – учения, получившего распространение в некоторых странах Южной и Северной Европы. Его основы состояли в исследовании взаимодействия окружающей природы и человека, значения географического фактора для распространения культурных явлений и *исторического формирования* “антропогеографической среды” как неразрывного единства “природа – человек”. Ратцелю принадлежит учение о “культурных зонах”, восходящее, возможно, к взглядам Бастиана³.

В начале XX в. известным исследователем, путешественником, этнологом, африканистом Лео Фробениусом (1873–1938) было разработано *культурно-морфологическое* учение и учение о *культурных кругах*. Первое из них имело во многом мистическую окраску и не имело последователей. Второе вызвало у многих ученых интерес, прежде всего в связи с африканскими сюжетами. Особое значение имела деятельность Фробениуса как организатора науки, создателя Института культурной морфологии во Франкфурте-на-Майне (с 1946 г. им. Л. Фробениуса) и журнала “Пайдеума”⁴.

Довольно большую популярность с начала XX в. до 1930-х годов имели учение о культурных кругах Ф. Гребнера (1877–1934)⁵ и частично основанное на нем клерикальное учение создателя “культурно-исторической школы”⁶ Вильгельма Шмидта (1868–1954) о “первобытном прамонотеизме”. Оставляя в стороне идеи прамонотеизма, не получившие распространения за пределами узкого круга последователей Шмидта, миссионеров П. Шебесты, В. Копперса и некоторых других, следует отметить существенное влияние идей Шмидта о культурных кругах, воспринятых в разной мере не только немцами, но и зарубежными учеными Америки (Ф. Боас), в какой-то степени и России. Однако механичность подхода к “изменениям” культурных кругов, что и назвалось “историей”, случайный набор их признаков, вызвали вскоре резкую критику. Тем не менее в различной интерпретации “исторический” принцип был положен в основу теоретических представлений многих этнологов и сохраняет свои позиции среди многих немецких исследователей, особенно старшего поколения, до наших дней. Но одновременно уже с первого десятилетия XX в. распространение стали получать и концепции, основанные на социологическом и психологическом подходах.

Эти подходы прежде всего имеют отношение к творчеству Рихарда Турнвальда (1869–1954). Вся научная жизнь Турнвальда была связана с теоретическими исследованиями в области “человеческого общественного сожительства”. Турнвальд был родоначальником ряда теоретических направлений, в которых, выступая против эволюционизма и идей культурно-исторической школы, он при этом стоял на позициях историзма. Так, Турнвальд провозгласил новое научное направление – этносоциологию. Еще в 1910–1912 гг. он изложил основы функционального метода, опередив в этом отношении Бронислава Малиновского, считающегося основателем функционализма. При этом немецкий вариант функционализма, предложенный Турнвальдом, в отличие от англосаксонского, основывался на принципах историзма. Им же было основано направление по исследованию “аккультурации”. Большое внимание он уделял социологии и этнопсихологии. После Второй мировой войны Турнвальд пропагандировал идеи американской культурной антропологии. Он основал Институт этнологии при Свободном университете Западного Берлина и журнал “Социологус”⁷.

Учеником Турнвальда и продолжателем многих теоретических направлений, предложенных им (в частности, функциональной теории в ее немецком варианте), был Вильгельм Мюльман (1904–1983). Значительное внимание Мюльман уделял пробле-

мам этноса и этническим процессам, основываясь во многом на взглядах С.М. Широкогорова. Взгляды Мюльмана отличались сильным биологизмом, что сближало их в некоторых отношениях с идеологией нацизма⁸.

Теоретические исследования в немецкоязычных странах после Второй мировой войны основывались, с одной стороны, на традиционном “историческом” направлении; а с другой – на приобретающей все большую популярность среди молодых исследователей американской культурной антропологии, что выражалось в “социологизации” этнологии и отходе от традиционных позиций науки.

Вынужденная краткость настоящей заметки не позволяет подробно остановиться на теоретических основах немецкого народоведения (Volkskunde)⁹. В целом следует только отметить, что народоведение в немецкоязычных странах возникло как теоретическое направление в науке одновременно с этнологией. Его теоретической базой были идеи немецкой романтической германистики и шовинистические представления о немецком народе, частично положенные в основу нацистской идеологии. Крупными теоретиками народоведения были В. Риль, Э. Гоффман-Крайер, А. Шпаймер, А. Бах, Х. Науман. Последнему принадлежит интересная идея об “опущенном культурном достоянии”, согласно которой предполагалось движение культурных ценностей от высших слоев городского населения к сельскому¹⁰.

Только краткое перечисление наиболее распространенных в немецкой науке о народах учений свидетельствует, что проблемы теории постоянно находились в поле зрения ученых. При этом далеко не все заслуживающие внимания идеи получили надлежащую разработку. Они еще ждут своих исследователей.

Примечания

¹ См., напр.: *Bastian A. Der Mensch in der Geschichte. Leipzig, 1860; Idem. Zur Lehre von geographischen Provinzen. B., 1986.*

² Здесь и далее см.: *Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 1. Немецкая этнология. М., 1993;* а также серию публикаций в журнале “Советская этнография” (“Этнографическое обозрение”).

³ *Ratzel F. Völkerkunde. Bd. 3. Leipzig, 1885–1888.* Это издание ошибочно переведено на русский язык как “Народоведение”, а не как “Этнология”; *Он же. Человек как жизненное явление на земле. М., 1901.*

⁴ Число публикаций Л. Фробениуса довольно велико. См., напр.: *Frobenius L. Ursprung der afrikanischen Kulturen. B., 1898; Idem. Das Zeitalter des Sonnengottes. B., 1904.*

⁵ *Grübner F. Die Methode der Ethnologie. Heidelberg, 1909; Idem. Das Weltbild der Primitiven. B., 1924.*

⁶ *Schmidt W. Der Ursprung der Gottesidee. Bd. 1–12. Anthropos Institut, 1926–1955; Idem. Wege der Kulturen. Gesammelte Aufsätze. Bonn, 1964.*

⁷ Публикации Турнвальда превышают 300 названий фундаментальных монографий и крупных статей. См., напр.: *Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethnosoziologischen Grundlagen. Berlin; Leipzig, 1931–1935.*

⁸ *Mühlmann W. Methodik der Völkerkunde. Stuttgart, 1938.*

⁹ См.: *Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. 2. Немецкое народоведение. М., 1993.*

¹⁰ *Naumann H. Grundzüge der deutschen Volkskunde. Leipzig, 1929 (ср.: Рабинович М.Г. Город и традиционная народная культура // Сов. этнография. 1980. № 4).*

G. E. M a r k o v. Theory or Myth?

Commenting on E.G. Alexandrenkov’s essay, “What Is a Theory in Russian Ethnography?”, the author questions some of its assumptions and argues that there is no general theory in ethnography and that, in a broad sense, theory may be understood as a methodological model employed for the study of this or that particular ethnographic problem. For comparison purposes, the author discusses the development of views on theory in the German ethnological tradition.